

Оберег

Николая ВАТУТИНА

Отрывки из повести Вячеслава Колесникова

Продолжение. Начало
в № 12 за 2018 год

Тайна

Жизнь Николая Ватутина, как и всякого военного человека его поколения, была полна тревог и опасностей. Не однажды доводилось ему участвовать в рукопашных боях, слышать свист пуль над головой. Но на протяжении многих лет он никогда не испытывал чувства страха, потому что верил в защитную силу Белогорова колечка – оно хранило его от несчастий и бед.

Однако рассказывать о своём обереге Ватутин никому не решался, даже близким товарищам. «Ты же воин Красной армии, – усмехнулись бы они, услышав о колечке, – а ведёшь себя как доисторическая тёмная личность, веришь всяким байкам...» Да ещё вдобавок и книжку какую-нибудь подсунули бы – почитать о шаманах.

«Нет уж, – думал Ватутин, – пусть это будет моей тайной. И если оберег защищает меня, красного командира, так что ж в этом плохого? Разве плохо, если командир, отвечающий за сотни, тысячи человеческих жизней, неуязвим?»

Только один человек знал о существовании ватутинского оберега – это жена Татьяна. Не раз приходилось ей собирать мужа в поход – а походов у кадрового военного Ватутина было в жизни немало – и никогда она не забывала поинтересоваться, при нём ли его оберег. Так было и в двадцатые годы, и в тридцатые, так это произошло и в июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война.

Начало великой войны

Спустя неделю после нападения фашистской Германии на Советский Союз генерал-лейтенант Ватутин был назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Здесь, на подступах к Ленинграду, наши войска с трудом держали оборону. Отсюда в случае взятия Невской твердыни враги намеревались повернуть на Москву и там до наступления зимы провести на Красной площади фашистский парад победы. На Северо-Западном фронте сложилась крайне тяжёлая обстановка...

Перед отъездом на фронт Николай Фёдорович на несколько часов заскочил домой, чтобы повидаться с семьёй. Татьяна Романовна, выслушав сообщение мужа, без лишней суеты, сосредоточенно начала укладывать в походный чемодан необходимые вещи. Николай Фёдорович устало присел на диван, потянулся

к лежащей на столе пачке газет. Будучи первым заместителем начальника Генерального штаба, он несколько дней и ночей, без сна и отдыха, находился безвыездно в Кремле. О том, что происходит в стране и за её пределами, о положении на фронтах ему было очень хорошо известно и без газет, но, несмотря на усталость, он решил не изменять своей давней привычке. Взял лежащую сверху газету «Правда», развернул её...

– Таня! – вдруг громко воскликнул он. – Таня! Ты эту газету видела?

Татьяна Романовна встревоженно обернулась:

– Видела, это сегодняшний номер. А в чём дело?

– Ты рисунок, плакат вот этот, видела? – Ватутин вскочил с дивана, подошёл к жене с газетой. – Гляди.

На рисунке был изображён воин Красной армии с винтовкой в руках. Штыком он пронзал чёрную фашистскую свастику.

Свастика была нарисована в виде алчной, мерзкой змеи. Внизу стояла подпись: «Смерть фашистской гадине!»

– Таня, ты помнишь, я тебе рассказывал о случае из своего детства, о встрече с гадюкой?

– Конечно, помню, – сказала Татьяна Романовна. – Дерезу вы с братом на веники тогда ломали.

– Совершенно верно. И была та гадюка точь-в-точь такая же, как на этом плакате. – Николай Фёдорович на минуту задумался, обнял жену. – Я уверен, Таня, что эта фашистская гадина, как и тогда, на Чепухинской горе, не выдержит нашего натиска, уплзёт трусливо в свою нору!

Татьяна Романовна согласно кивнула головой, тихо произнесла:

– Тебя ведь Белогор тогда защитил.

– Белогорова колечко, – уточнил, чему-то улыбнувшись, Ватутин.

– Покажи мне его, – попросила Татьяна Романовна.

Николай Фёдорович расстегнул китель, вынул из внутреннего кармана маленький кожаный бумажник, стал выкладывать из него на стол содержимое:

– Это твоя фотография, это фотокарточки детей – Лены и Вити, а вот он, мой оберег.

Рисунок Вячеслава КОЛЕСНИКА

Николай Фёдорович положил на ладонь жены невзрачное маленькое колечко. Они оба уже давно уверовали в чудодейственную силу ватутинского оберега... С первых дней своего прибытия на Северо-Западный фронт Ватутин в полной мере проявил свой незаурядный полководческий талант. В короткий срок штабу фронта под его руководством удалось разработать и подготовить несколько успешных военных операций. Было сломлено сопротивление мощной немецкой группировки, во многих местах противник был остановлен советскими войсками. Понеся ощутимые потери, немцы без подкрепления уже были не в состоянии вести наступательные бои. В эти дни им стало понятно: план «молниеносной войны» провалился, время лёгких побед прошло. А в мае 1942 года, в связи с острой нехваткой штабных работников высшего уровня, Ватутин был отозван с фронта в Москву и назначен заместителем начальника Генерального штаба Красной армии.

«Земляк брехать не станет»...

Но недолго пришлось пробыть Ватутину в Москве. В июле 1942 года он был назначен командующим Воронежским фронтом, через три месяца – накануне Сталинградской битвы – командующим Юго-Западным фронтом. Здесь, на берегах Волги, противник потерпел сокрушительное поражение. Многотысячная немецкая армия во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом была окружена нашими войсками и ликвидирована. Сам Паулюс был взят в плен.

А впереди Ватутина ожидала новая битва – битва на Курской дуге. Не отличиться в этом сражении Николай Фёдорович просто не мог, не имел права – это были его родные края. Совсем недавно ему удалось навестить только что освобождённое от фашистов своё село Чепухино. Всего несколько часов провёл он с матерью и сёстрами, пообщался с земляками.

«Ещё немного, и Гитлеру конец! – пообещал он односельчанам, собравшимся на ватутинском дворе. – Это я вам от имени всей нашей доблестной Красной армии твёрдо обещаю». Верили ему чепухинцы: «Земляк брехать не станет». Уезжая из села, Ватутин оглянулся на меловую гору, где он нашёл когда-то Белогорово колечко, нащупал в нагрудном кармане свой оберег, вспомнил слова деда Григория: «Мы ведь, русские, – народ незлобивый. Не тронь нас, разве мы на кого руку подыдем? Вот и кольчуга – она ведь для защиты справлена». Прав был дедушка, сто раз прав... Мы бьёмся, не жалея сил, чтобы защитить свой дом, и если пришёл к нам фашист гостем незваным – получит, что заслужил.

И вскоре фашист своё получил.

12 июля 1943 года на поле вблизи мало кому известного до того посёлка Прохоровка произошло крупнейшее в мировой истории встречное танковое сражение.

Столкнулись две бронированные армады. Горели танки, горели небо и земля, выстрелы орудий слились в сплошной оглушительный гул. Этот был один из дней нашей воинской славы. После сражения под Прохоровкой танковые силы вермахта до конца войны так и не смогли восстановить свою былую мощь.

Гроссмейстер

Ватутин был известным мастером сложных военных комбинаций. Не зря в немецких штабах, где умели ценить достойного противника, его прозвали гроссмейстером. Ватутин обладал редкой способностью просчитывать на несколько ходов вперёд любую ситуацию, мог разгадать тайные замыслы противника.

И когда после освобождения Киева из Ставки Главного командования поступил приказ: «Взять Житомир!», Ватутин, трезво оценив обстановку, попытался воспротивиться этому приказу. Он ответил Сталину, что шаг этот делать преждевременно, что может возникнуть угроза вновь потерять Киев. Но, к сожалению, к его мнению в Ставке не прислушались. Житомир был взят, Москва салютовала освободителям, но впоследствии выяснилось, что Ватутин был прав. Немцы снова подтянули свои силы к Киеву, и нашим войскам Житомир пришлось оставить.

И это был не единственный случай, говорящий о дальновидности и полководческом таланте Ватутина. Фельдмаршал Манштейн, любимчик Гитлера, выходец из потомственной семьи военных, не раз, кстати, битый Ватутиным, возмущался: «Не могу понять – уж не сидя ли в навозной куче этот крестьянский сын выучился военному искусству?» Если бы Ватутин слышал эти слова, он ответил бы, вынув из кармана заветное Белогорова колечко: «Мы бьём вас не потому, что дюже учёные, а потому, что, в отличие от вас, защищаем свою родную землю».

Рисунок Ольги ТКАЧЁВОЙ

Окончание в следующем номере